

Черных Любовь Владимировна

Преподаватель МАУДО
Первомайской ДШИ

Женщины в жизни Моцарта.

Без описания отношений с женщинами не обходится ни одна из биографий Моцарта. Стеффорд, суммируя оценки, пишет о двух распространенных трактовках того, какую роль «Ева» сыграла в жизни композитора.[8,с.118]. В первом случае это история о Моцарте-донжуане, волоките, не пропустившем мимо ни одной певице, ученицы и горничной. Во втором - о том, как гений стал игрушкой в женских руках и жертвой женских хитростей. Главной героиней в обоих «сюжетах» оказывается его жена. Констанца предстает, соответственно, либо как страстотерпица, прощавшая мужу его слабости, либо как пустая, взбалмошная и при этом хитроумная «охотница за удовольствиями», которая не могла быть достойной парой гению. Обе легенды одинаково далеки от истины, хотя и не перестают обрастать в литературе массой подробностей. Так или иначе, но роль женщин (сколько бы их ни было) оценивается как негативная, ставшая одной из причин жизненного краха, кем бы Моцарт не выступал – соблазнителем или жертвой.

В гипотетический «донжуанский» список Моцарта попал целый ряд имен: до женитьбы – кузина Мария Анна Текла, Алоизия Вебер, Розочка Каннабих (дочь мангеймского капельмейстера Кристиана Каннабиха), «маленькая Кайзерова» (мюнхенская певица Маргарет Кайзер); после – венские ученицы Тереза фон Траттнер, Мария Магдалена Хофдемель, певицы Катарина Кавальери (первая Констанца в «Похищении из сераля»), Нэнси Стораче (первая Сюзанна в «Свадьбе Фигаро»), Катарина Бондини и Тереза Сапорити (первые Церлина и Донна Анна в «Дон Жуане»), Генриэтта Бараниус (исполнительница партии Блонды в берлинской постановке

«Похищения»), и служанок не счесть числа. Насколько реальны основания в каждом конкретном случае?

Где-то отправной точкой послужили посвящения музыкальных произведений. Терезе Траттнер Моцарт презентовал с-moll'ную Фантазию и сонату (KV 475 и KV 457), Нэнси Стораче – арию в сопровождении фортепиано и оркестра *Ch'io mi scordi di te* KV 505. Этот дуэт, написанный, как упоминул Моцарт в собственном Указателе сочинений, «для мадмуазель Стораче и для меня», Эйнштейн считал «объяснением в любви»[4, С.86]. Нэнси Стораче была очень одаренной певицей, с большим успехом исполняла в Вене (1783-1787) первые роли во многих итальянских операх. В отличие от профессиональной карьеры, ее семейная жизнь сложилась не слишком удачно. После развода с Фишером она жила в гражданском браке с Франческо Бенуччи, первым Фигаро в опере Моцарта. Но предположить одновременно связь также и с Моцартом (а в столице вряд ли что-либо подобное можно скрыть) – ситуация практически невероятная.

Версия о романе с Терезой фон Траттнер еще более сомнительна. Иоганн Томас фон Траттнер и его жена были не только хозяевами квартиры, в которой Моцарты жили с января по сентябрь 1784 года, но и их близкими друзьями. Каким бы влюбчивым ни был Вольфганг, крайне трудно представить, что адюльтер мог так просто уживаться с длительными дружескими, почти родственными отношениями семей. Открытый характер Моцарта и непосредственность в отношении с людьми прямо противоречат этой истории. Да и мог ли Моцарт, соблазняя симпатичных учениц, рассчитывать на какие-либо уроки в Вене? Ведь конкуренция была велика, а слухи распространялись мгновенно. Так что, как бы ни претил Моцарту педагогический заработок, он вряд ли стал бы жертвовать своим реноме. Уроки давали не только заработок, но и связи, которыми в первые венские годы он не пренебрегал.

Сведения и намеки на любовные отношения Моцарта с певицами в его операх также заслуживают крайне мало доверия. Как было устоять перед искушением трактовать *опыты любви* в его операх как отражение личного *любовного опыта*? Конечно, не следует впадать в другую крайность и представлять Моцарта неким ангелом. Только три случая опираются на хорошо документированные свидетельства, прежде всего на переписку. Это отношения Моцарта с тремя женщинами: Марией Анной Теклой Моцарт, Алоизией Вебер (в замужестве Ланге) и Констанцией.

Со своей кузиной *Марией Анной Теклой*, дочерью Франца Алоиза Моцарта - младшего брата Леопольда, единственный, с кем из аугсбургской родни Моцарты поддерживали отношения, Моцарт познакомился в Аугсбурге в октябре 1777 года по пути из Мюнхена в Мангейм. Девятнадцатилетняя Мария Анна Текла, судя по портрету, не была красавицей, зато имела чувство юмора и веселый нрав. Они, очевидно, быстро поладили друг с другом. Из писем в Зальцбург к отцу вырисовывается портрет «кузиночки»:

Я хотел бы написать тебе кое-что о моей милой девице кузиночке....17-го ранним утром пишу и настаиваю, что наша кузиночка прекрасна, разумна, мила, ловка и весела, так что мы с нею изрядно посплетничали. Она также некоторое время провела в Мюнхене. Действительно, мы целых два дня были вместе, она тоже немножко «язва». Мы подтрунивали над людьми, потому что это весело[Письмо от 16-17 октября 1777г.-5,с.66]

Чем занимались двоюродные брат и сестра, кроме того, что с наслаждением вышучивали близких и дальних знакомых? Марианна везде сопровождала кузена. Близость сестры провоцировала Моцарта к шалостям и проказам, которые оттеняли вполне серьезные визиты и мероприятия. У Леопольда было свое мнение о племяннице, он предрекал, что ее «слишком близкие знакомства со священниками» не доведут до добра. [Письмо от 20 1777г.- 5,с.76.]. Перед отъездом Моцарт оставил в альбоме двоюродной

сестры галантную запись по-французски: «Если Вы любите тоже, что и я, любите саму себя»[7,с.31.]. Из Мангейма он пришлет ей свой портрет в медальоне- на память.

Сохранились 9 писем Вольфганга к Марианне из Мангейма и Вены, написанных в 1777-1781годы. Они никак не вписывались в рамки академических биографий, и даже образ «Моцарта-донжуана» не вполне способен снести, те вольности, что в них содержатся. Но уже за то, что Кузина вдохновляла его на такие беззаботные и раскованные эпистолярные забавы и при этом скрасила Вольфгангу не столь уж радостные дни в Аугсбурге и Мангейме, она достойна самых теплых слов. Особенно за поддержку во время возвращения из Парижа в Зальцбург в конце 1778 года, когда Моцарт, похоронив мать, нигде не найдя достойной работы, под конец в Мюнхене пережил разрыв со своей первой настоящей возлюбленной. Кузина приехала к Моцарту в Мюнхен, а затем отправилась вместе с ним в Зальцбург. В 1965г. на байройтском почтампе была установлена памятная доска в честь женщины, которая вошла в историю как первая возлюбленная Моцарта.

Первая серьезная любовь Моцарта - *Алоизия Вебер* – была дочерью копировальщика нот и суфлера мангеймского театра. Вначале Вольфганг упомянул о ней мимоходом, описывая поездку в небольшой городок Кирхеймболанден, где они оба участвовали в концерте:

Она по-настоящему великолепна поет, и у нее прекрасный чистый голос. У нее нет только сценических данных, а то ее взяли бы примадонной в любой театр. Ей всего 16 лет. ... Мою арию... она поет превосходно.[Письмо от 17 января 1778г.- 5,с.226-227.]

В последующих письмах к отцу восторги по поводу голоса и музыкальности Алоизии становятся все более и более пылкими. В отношении к ней у Вольфганга нет и следа легкомысленной бравады, как это

было в посланиях Марии Анне Текле. Моцарт в полном восторге от своей ученицы, его вдохновляла сама роль ментора юной девушки. Это новое «взрослое» ощущение наполняет его восторгом не менее острым, чем радость от успехов Алоизии. На этот раз путь *«любви прокладывало искусство»*[2,с.50], восхищение Алоизией-певицей питало лирические чувства. Духовная близость дарила переживания столь яркие и глубокие, какие до этого времени у него не вызывала ни одна женщина. Моцарта вдохновляет роль советчика и спасителя «бедной семьи». Перед ним открылась заманчивая перспектива создать творческий тандем «композитор-певица».

Любовь к Алоизии оказалась очередным толчком к обретению самостоятельности. Леопольд Моцарт пытался предостеречь Вольфганга от ошибок, используя всевозможные аргументы. Он жалуется, увещает, грозит, пугает, взывает к чувству долга, обращается к детским воспоминаниям, наконец, приказывает! Итак, Моцарт стоял перед выбором: семья, долг перед родителями, собственная карьера или любовь к Алозии? Трудно сказать, насколько его чувство к Алозии было взаимным. По-видимому, она также была к нему равнодушна, но относилась без того трепета и жертвенной преданности, которые испытывал по отношению к ней Моцарт. Так или иначе, но треугольник «отец-сын-возлюбленная» разрешился печально. Моцарт подчинился воле Леопольда. Приказ «Марш в Париж!», отданный из Зальцбурга, был выполнен.

Из парижских писем Моцарта к Алозии сохранилось всего одно. Поражает его тон – нежный, однако при этом почтительный и даже несколько церемонный. Опять «впереди» любовных чувств идет музыка. Моцарт увлеченно пишет о новой арии, сочиненной для Алозии, интересуется ее мнением, дает советы по исполнению. О любовных переживаниях сказано только намеком. Прорыв искреннего чувства, заставлявший Моцарта усыпать восклицательными знаками письма, здесь едва уловим. «Целую

Ваши руки», «сердечно обнимаю», «счастливейший миг, когда могу Вас вновь увидеть» - во всех этих выражениях больше тоски, чем пыла и любовного нетерпения. Без какого-либо участия Вольфганга Алозия получила выгодный контракт в мюнхенской опере, а вместе с нею в столицу Баварии перебралась и вся семья Веберов. Моцарт узнает об этом еще в Мангейме и сообщает отцу со странной смесью удовлетворения и горечи. Встреча с Алозией в Мюнхене оказалось даже более холодной, чем ожидал Вольфганг. По-видимому, объяснение между ними состоялось сразу после Рождества 1778г., так как 29 декабря Вольфганг обронил в письме к отцу: «Я сегодня не могу ничего - только плакать. Я ведь всегда имел слишком чувствительное сердце» [письмо от 29 декабря 1778г.- 5,с.529]

Какую роль знакомство с Алозией, любовь к ней сыграли в жизни Моцарта? Прежде всего, они стали рубежом в его взрослении. Отношения с отцом *до* и *после* мангеймско-мюнхенской истории существенно отличаются. Отношения Вольфганга и Алозии ярко выявили присущее Моцарту качество: его воспаляло *проявление артистизма, музыкального таланта*. XVIII век предоставлял оперному композитору богатые возможности творить своих персонажей с оглядкой не только на диапазон голоса или технику исполнения, но и на его характер. Не случайно и образ Алозии гораздо более рельефно проступает в той музыке, которую Моцарт писал для нее, чем в его высказываниях о ней.

И наконец, **Констанца**. Мало кто из биографов Моцарта удостоил его жену доброжелательным отзывом. Рассказу об их женитьбе посвящено множество страниц. В апреле 1781 г. Вольфганг поселился в пансионе, который содержала Цецилия Вебер. Еще в середине лета он, судя по письму от 25 июля 1781г., отрешивается от самой мысли о браке. В течении последующих пяти месяцев – опять ни слова о подобных планах, и вдруг – заявление о желании жениться на Констанце. Моцарт апеллирует к здравомыслию Леопольда, рекламируя на все лады материальные выгоды

брака и описывая образ потенциальной невесты – экономной и рачительной хозяйки. Портрет, нарисованный в письме от 15 декабря, кардинально отличается от строк, посвященных Алозии, и тем более от кратких и сочных упоминаний о «милой кузиночке». Констанца всего лишь «не безобразна», она даже «не остроумна». Ее главные достоинства – домовитость, скромность и здравый смысл. Моцарт не похож на страстно влюбленного жениха.

На пути пары влюбленных воздвигались разнообразные препятствия, которые приходилось преодолевать: сопротивление Леопольда, шантаж опекуна Констанцы Иоганна Торварта, ханженская забота о благопристойности Цецилии Вебер, пресловутое брачное обязательство, которое «ангельская девица милая Констанца» разорвала на глазах у жениха, козни и наговоры недоброжелателей («меня возмущает то, что мою милую Констанцу называют распутной»)[Письмо от 22 декабря 1781г.- 5,с.188]. После целого ряда событий 4 августа 1782г. молодые обвенчались в соборе Св. Стефана, так и не дождавшись благословения Леопольда (письмо пришло на следующий день). Этим браком Моцарт отстоял свою профессиональную и деловую самостоятельность, свое право распоряжаться своей личной жизнью. Женитьба на Констанце поставила точку в процессе, начатом четырем годами раньше в Мангейме историей с Алозией. Общение с женщинами стало «своеобразным катализатором», укорившим обретение Моцартом человеческой зрелости. [2,с.55] К Констанце Моцарт испытывал теплые чувства и очень сильное эротическое влечение. Именно оно, по-видимому, послужило толчком к решительным действиям. То, что Моцарту были важны в женщинах внешняя привлекательность и шарм, показывает случай с его ученицей Йозефой Барбарой Ауэрнхаммер, дочерью венского придворного советника по экономике. Она, по-видимому, не на шутку была влюблена в Вольфганга, по Вене даже распространились слухи о возможном браке. Моцарт весьма высоко ценил ее как пианистку, посвятил ей шесть сонат для скрипки и фортепиано, выступал с нею публично: они играли

Концерт для двух клавиров с оркестром KV365/316a в доме Ауэрнхаммеров и в большом павильоне парка Аугартен. Однако физически она его совершенно не привлекала (...она толста, как деревенская девка, потеет» и пр.) [Письмо от 22 августа 1781г.- 5,с.151.] В письме от 15 декабря 1781 г. содержится знаменитый пассаж – признание в том, что физическая сторона любви для Моцарта была очень важна:

Природа говорит во мне так же громко, как и в любом другом, даже может быть громче, чем в ином большом и сильном детине. Для меня невозможно жить так, как живет большинство нынешних молодых людей. – Во-первых, я слишком религиозен, во-вторых, слишком люблю ближнего и слишком честен по убеждениям, чтобы я мог обмануть невинную девушку, и в-третьих,.. слишком люблю свое здоровье, чтобы я мог возиться с потаскухами.

Влечение к жене он сохранил вплоть до последних дней. У супругов были гармоничные отношения. Многие фрагменты моцартовской переписки - живое тому свидетельство.

Какой же была женой Констанца? Что привязывало (если привязывало) к ней Моцарта помимо телесных утех? «Констанца Моцарт – наверное, самая непопулярная женщина в музыкальной истории» [6,с.182.] - вывод, сделанный Роббинсом Лэндоном на основе изучения столетнего массива биографической литературы. Жену Моцарта упрекали в том, что она не понимала своего мужа-гения, не разделяла его забот, считали поверхностной, глупой, бесхозяйственной и распутной. Все эти упреки стали появляться уже после смерти Констанцы по мере того, как формировался моцартовский миф (она пережила Моцарта на полвека и скончалась в возрасте 80 лет). Каждое из этих обвинений легко опровергнуть, оперируя одними лишь общеизвестными фактами. Так, Леопольду с его острым и пристальным взглядом, десять недель гостивший у Вольфганга в 1785г., понравилось, как ведет хозяйство в доме сына, хотя он не испытывал особой симпатии к

невестке. Мнение о «распутстве» Констанцы базируется на двух эпизодах, отраженных в письмах к ней Моцарта. Первый – игра в фанты, когда она, будучи еще невестой, позволила кавалеру измерять лентой свою икру; второй – флирт с каким-то не слишком учтивым господином во время лечения в Бадене под Веной. На оба случая Вольфганг отреагировал не резкими, но все же упреками. Могут ли биографы ставить в вину Констанце то, что сам Моцарт ей простил? Упрекать ее за легкий и в чем-то «богемный склад характера» [2,с.57]– значит порицать те качества, которые, скорее всего, и влекли к ней Моцарта.

Констанцу трудно представить в роли музы гения. Но отношение Моцарта к ней показало, что именно такая жена ему и была нужна. В меру домовита, легка на подъем – достаточно вспомнить многочисленные переезды с квартиры на квартиру в Вене и совместные поездки в Прагу в связи с постановками «Дон Жуана» и «Милосердия Тита». Не следует забывать, что Констанца не только пережила с Моцартом пору успехов, но и несла бремя финансовых неурядиц. К тому же за 9 лет брака она родила шестерых детей, из которых в живых осталось двое.

Нередко жене Моцарта отказывали и в музыкальности, и даже видели в этом едва ли не главную причину того, что она не понимала своего мужа. Однако в письмах Констанце из берлинской поездки 1789 г. Вольфганг не только нежничает, но и детально отчитывается о своих музыкальных впечатлениях. Констанца для него собеседник, с которым он делится самыми разнообразными мыслями, в том числе и в профессиональной сфере – причем без всяких скидок, так же, как делился с Леопольдом или Наннерль. Из моцартовских писем 1789г. понятно, что не может быть и речи о «глупости» Констанцы и ее безразличии к делам мужа. Иными словами, Моцарту с ней было хорошо, а значит, она не заслуживала упреков.

Итак, какова же роль женщин в жизни Моцарта? Если непредвзято и трезво взглянуть на известные факты и отмести домыслы, то нет, по-

видимому никаких оснований возлагать именно на них вину за печальные обстоятельства моцартовской биографии. Женщины дарили Моцарту ощущение жизненной полноты, да и как композитор он не оставался равнодушным к таланту и артистической яркости тех, с кем его сталкивала судьба. Это восхищение могло, как в случае с Алозией, перерасти в серьезное чувство. Но все равно, испытывал ли он счастье взаимной любви или горечь отвергнутой, никогда лирические переживания не становились препятствием тому главному, что составляло смысл его существования – неудержимому стремлению к творчеству.

Список используемой литературы:

1. Аберт Г. В.А.Моцарт. Ч.1,2. М.: Музыка, 1978-1985.
2. Луцкер П.,Сусидко И. Моцарт и его время.-М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2008.
3. Моцарт В.А. Письма / Пер. с нем., франц., итал., лат. М.: Аграф, 2000.
Чичерин Г. Моцарт. Л: Музыка, 1970.
4. Энштейн А. Моцарт. Личность. Творчество. М: Музыка, 1977.
5. Mozart W.A. Briefe und Aufzeichnungen. Gesamtausgabe. Hrsg. V. Bauer W.A., Deutsch O.E., Konrad U. Kassel: Barenreiter-DTV. Bd II, 2005.
6. Robbins Landon H.C. Mozart. The golden years 1781-1791. N-Y.: Schirmer Books-Macmillan Inc., 1989/
7. Schad M.(Hg.). Mozarts erste Libe. Das Basle Marianne Thekla Mozart. Augsburg, 2004.
8. Stafford W. The Mozart Myths: a Critical Reassessment. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1991.